

Научная статья

DOI: 10.17748/2686–9969–2022–5-4-136-153

УДК 37:377(378)

END FCSGDE

**К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТЯХ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СТАРШЕКЛАССНИКОВ**

**(На примере анализа мотива “двойничества” в рассказе “Вильям Вильсон”
Э.А. По и повести “Двойник” Ф.М. Достоевского»)**

Татьяна Викторовна Уколова

Центр дополнительного образования «Хоста» г. Сочи
г. Сочи, Россия
netsky2002@mail.ru

Анастасия Игоревна Остапенко

Центр дополнительного образования «Хоста» г. Сочи
г. Сочи, Россия

Аннотация. Введение. В статье на примере научно-исследовательской работы учащейся, прошедшей курс обучения по программе дополнительного образования, базирующейся на методике культурологической интерпретации, раскрывается сущность и специфика явления культурологической интерпретации как важного звена познавательного процесса, а также процесса осмысления текстов.

Методы и инструменты. В научно-исследовательской работе «Мотив “двойничества” в рассказе “Вильям Вильсон” Э.А. По и повести “Двойник” Ф.М. Достоевского», на основе инструментария культурологической интерпретации, учащаяся сопоставляет эти литературные произведения и анализирует общий для них мотив «двойничества» и демонического двойника, появление которого поглощает жизнь главного героя.

Результаты и выводы. Автор доказывает, что оба текста имеют общую концепцию, идейное наполнение и художественные особенности, а мотив «двойничества» становится ключевым не только для повести Достоевского и рассказа Эдгара По, но и является таковым в ряде произведений других классиков мировой литературы.

Ключевые слова: интерпретация, культурологическая интерпретация, герменевтика, текст, русская литература, преподавание гуманитарных предметов, преподавание литературы в школе.

Для цитирования: Уколова Т.В., Остапенко А.И. К вопросу о возможностях культурологической интерпретации в научно-практической деятельности старшеклассников (На примере анализа мотива “двойничества” в рассказе “Вильям Вильсон” Э.А. По и повести “Двойник” Ф.М. Достоевского») // Педагогика: история, перспективы. 2022. Том.5. № 4. С . 136-153
DOI: 10.17748/2686-9969-2022-5-4-136-153

Original article.

**ON THE QUESTION OF THE POSSIBILITIES OF CULTURAL
INTERPRETATION IN THE SCIENTIFIC AND PRACTICAL ACTIVITIES
OF HIGH SCHOOL STUDENTS**

**(By the example of the analysis of the motive of “duality” in the story
“William Wilson” by E.A. Poe and the story “The Double” by F.M.Dostoevsky”)**

Tatiana V. Ukolova

The center of additional education "Hosta" of the city of Sochi

Sochi, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8768-2814>

e-mail: netsky2002@mail.ru

Anastasia Ig. Ostapenko

The center of additional education "Hosta" of the city of Sochi

Sochi, Russia

Abstract. The article, using the example of the research work of a student who has completed a course of study under the program of additional education based on the methodology of cultural interpretation, reveals the essence and specificity of this phenomenon as an important link in the cognitive process, as well as the process of comprehending texts.

In the research work "The motive of "duality" in the story "William Wilson" by E. A. Poe and the story "The Double" by F.M. Dostoevsky" on the basis of the tools of cultural interpretation, the student compares these literary works and analyzes the common motive of "duality" and the demonic double, the appearance of which consumes the life of the protagonist.

The author proves that both texts have a common concept, ideological content and artistic features, and the motif of "duality" becomes key not only for Dostoevsky's novella and Edgar Poe's story, but is also such in a number of works of other classics of world literature.

Keywords: interpretation, cultural interpretation, hermeneutics, text, Russian literature, teaching humanities, teaching literature at school

For citation: Ukolova T.V., Ostapenko A.Ig. On the question of the possibilities of cultural interpretation in the scientific and practical activities of high school students (By the example of the analysis of the motive of “duality” in the story “William Wilson” by E.A. Poe and the story “The Double” by F.M.Dostoevsky”). Pedagogy: history, prospects. 2022. Vol. 5. No. 4. P. 136-153 (In Russ.).

DOI: 10.17748/2686–9969–2022–5-4-136-153

Введение. Современное демократическое общество требует от человека осознанного отношения к получаемой информации, умения осмысливать и интерпретировать ее на основе культурных норм и ценностей, извлекать культурные смыслы в читаемых текстах, наблюдаемых фактах, явлениях, ситуациях, создавать новые культурные смыслы.

Наиболее сензитивным для формирования интерпретационных умений выступает старший школьный возраст. В этот период обучающиеся переходят от наивного реализма в восприятии произведений искусства к их критическому осмыслению, обретают способность отделять смыслы, вкладываемые в художественное произведение его автором, от личностных извлекаемых смыслов, дифференцировать исторические и эстетические соотношения искусства и жизни, анализировать взаимодействие всех элементов художественного произведения; усиливается их интерес к культурологическим аспектам художественных текстов.

Как правило, школьникам предлагаются уже извлеченные смыслы – результаты интерпретации текстов, фактов, исторических и общественных явлений педагогом, авторами школьных учебников, литературными и кинокритиками и т.д.

Сказанное говорит о необходимости формирования у старшеклассников готовности к культурологической интерпретации литературных и учебных текстов, исторических и социальных фактов и явлений, жизненных ситуаций на уроках гуманитарного цикла. Актуальность формирования такой готовности подтверждают требования Федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования к личностным и метапредметным результатам образования: «умение ориентироваться в различных источниках информации, критически оценивать и интерпретировать информацию, получаемую из различных источников»; «владение навыками познавательной рефлексии как осознания совершаемых действий и мыслительных процессов, их результатов и оснований, границ своего знания и незнания, новых познавательных задач и средств их достижения» [1].

В научной литературе широко исследованы механизмы и алгоритмы лингвистической интерпретации текстов, которые адаптированы к школьному обучению и используются, как правило, на уроках русского языка и литературы, а также иностранного языка.

Методы. Однако современная ситуация актуализирует необходимость овладения школьниками умениями не только лингвистической, но и культурологической интерпретации художественных, научных, учебных, публицистических, исторических, канонических, кинематографических и других текстов, социальных явлений и фактов, жизненных ситуаций, понимаемой как осмысление их с позиций норм и ценностей различных культур (в частности, культуры создателя, критика, интерпретатора информации). Мы предположили, что средством формирования такой готовности может выступить культурологическая интерпретация как дидактическое средство – метод обучения старшеклассников предметам гуманитарного цикла, который затем может стать методом познания и осмысления старшеклассниками социальной действительности, произведений искусства, жизненных фактов и другой получаемой информации

Инструментарий культурологической интерпретации позволяет также учащимся более эффективно и успешно проявить себя в научно-практической деятельности. В качестве примера приводим работу выпускницы МБУ ДО Центра дополнительного образования «Хоста» города Сочи Остапенко Анастасии Игоревны, выполненную, в том числе, благодаря применению методики культурологической интерпретации, которая помогает раскрывать глубинные культурные смыслы и увеличивает пространства восприятия фильма, литературного произведения или социокультурного факта» и которую мы реализуем вместе на практике при написании творческих и научных работ учащимися [2; с. 40 Для цитирования: Уколова Т.В. Потенциал киноклуба в продвижении идеалов спорта и здорового образа жизни среди старшеклассников. Педагогика: история, перспективы. 2019. Том. 2. No 5. с. 36-42].

Обзор литературы. *«Мотив “двойничества” в рассказе “Вильям Вильсон” Э. А. По и повести “Двойник” Ф.М. Достоевского»*

Мотив двойничества является ключевым для ряда произведений выдающихся авторов мировой литературы. Тема раздвоения личности зафиксирована в различных фольклорных источниках еще со времен Древнего Египта. Начиная с восемнадцатого столетия ученые и люди творчества были очарованы ореолом мистицизма, исходящего от таинственного и inferнально-прекрасного *допельгангера* (Doppelgänger – «двойник»), который представлял собой демонического двойника того или иного человека и воплощал его потаённые мечты, желания и инстинкты. Надежды, цели, средства – все то, что не мог реализовать сам протагонист, находящийся под колоссальным давлением моралей, ценностей и законов общества, религиозных догматов или законов чести, совести и государства зачастую реализовывала его *«вторая»* сущность.

Мотив двойничества в мировой литературе усложнялся от эпохи к эпохе, приобретая новые черты и свойства. В русском литературном языке слово двойник укрепляется только в двадцатые годы XIX в. Значение и круг употребления этого слова определялись влиянием романтизма.

Писатели, часто черпавшие вдохновение в трагичном, обращались к мотивам дуализма и шизофрении в своих произведениях. Из их числа – В.Ирвинг, Э.Т. Гофман («Эликсиры Сатаны»), А.С. Пушкин («Уединённый домик на Васильевском острове»), В.Ф. Одоевский («Сильфида»), Н.В. Гоголь («Шинель»), Ч. Диккенс («Повесть о двух городах»), Ле Фаню («Зелёный чай»), Р.Л. Стивен-

соном («Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»), Г. Гессе («Степной волк»), Д. Джойс («Улисс»), С. Есенин («Черный человек»), Саша Соколов («Школа для дураков»).

Тема двойничества занимает значительное место в творчестве выдающегося американского новеллиста Э.А. По и классика русской литературы Ф.М. Достоевского. На наш взгляд, *общая концепция, идейное наполнение и художественные особенности* рассказа Э.А. По «Вильям Вильсон» и повести «Двойник» Ф.М. Достоевского позволяют рассматривать эти литературные произведения в ракурсе реализации мотива «двойничества».

Рассказ «Вильям Вильсон» принадлежит раннему периоду творчества Э.А. По и посвящен душевному расколу, противостоянию двух противоположных граней единого духа. Двойничество заключает в себе центральную тему творчества Достоевского - противостояние Добра и Зла, светлого и темного начал. «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей», – говорил сам писатель. Ф.М. Достоевский находил, что двойственность - яркая характеристика его времени и человеческого сознания, порожденного петровскими реформами [3]. В творчестве Ф.М. Достоевского зачастую описываются взаимоотношения героя со своим внешним или внутренним двойником, которого герой боится, но при этом не может провести четкую границу между ним и собой.

В связи с чем **цель** нашего исследования – провести сопоставительный анализ мотива «двойничества» в рассказе Э.А. По «Вильям Вильсон» и повести «Двойник» Ф. М. Достоевского.

Задачи исследования:

- рассмотреть мотив раздвоения личности в мировой литературе;
- раскрыть идейное наполнение и художественные особенности рассказа Э. А. По «Вильям Вильсон»;
- раскрыть идейное наполнение и художественные особенности повести «Двойник» Ф. М. Достоевского;
- проанализировать мотив двойничества, образы героев и их допельгангеров в рассказе Э. А. По «Вильям Вильсон» и повести «Двойник» Ф. М. Достоевского.

В работе были использованы монографии по творчеству Э. А. По (Г. Аллен [4], Ю.В. Ковалев [5], В. Брюсов[6]) и Ф. М. Достоевского (М. Гус [7], В. Нечаева [8], А. Белик [9], И.Л. Волгин [10], Г. Фридлиндер [11] и др.) и авторефераты диссертаций, научные статьи по тематике двойничества в культуре и мировой литературе, а также материалы справочной и энциклопедической литературы, эссе и статьи по психологии (Г.И. Каплан [12], Б.Дж. Сэдок [12], К. Юнг [13]).

*Не я, и не он, и не ты,
И то же, что я, и не то же:
Так были мы где-то похожи,
Что наши смешались черты...*

И. Анненский, «Двойник» [14].

Феномен двойничества и образ допельгангера

Природа двойничества в литературе берет свое начало из *дуалистической* мифологии, которая *основывается на противопоставлении* друг другу пар космических символов или признаков (солнце – луна; мужской – женский; правый – левый). Каждый из таких рядов символов, явлений и признаков создаётся одним из двух противопоставленных друг другу и находящихся во взаимном столкновении мифологических существ. Например, О.М. Фрейденберг связывает культурную функцию двойничества с **архаическим двоением**, с **бинарным делением мира** на «пространство жизни» и «пространство смерти» в сознании древнего человека [15].

Ю. Путевская отмечает, что «в широком, культурологическом смысле двойничество – это древнейшая универсальная модель художественного исследования места человека среди других людей, основанная на бинарности как основополагающем принципе конструирования мира человеческим сознанием» [16]. В трактовке А. М. Панченко, двойничество – это порочное удвоение мира, которое проникает в человеческое сознание и связано с мотивом катастрофы, нарушения привычного хода вещей, когда размываются границы добра и зла, жизни и смерти [17].

Под двойничеством в гуманитарных науках принято понимать «самоотчуждение личности, расщепление её сознания на две противоположные сферы, самоотрицающих друг друга, внутренний разлад со своей сущностью, который персонифицируется в образе двойника, осознающееся как реально существующий» [18].

Ряд исследователей сходится во мнении, что двойник в культуре имеет два принципиально различных проявления:

1. двойник души, охранитель и защитник;
2. противоположное человеку существо, антагонист-перевёртыш, воплощение зла и признак надвигающейся беды. Пары двойников в культуре часто имеют противоположные характеристики, укладывающиеся в дихотомию: *добро-зло*. Ю. Путевская полагает, что двойничество может развиваться по двум линиям – это и раздвоение и *удвоение* существа [16]. С. Агранович и И. Саморукова выделяют три основных типа двойников: «**двойники-антагонисты**», «**карнавальные пары**», «**близнецы**» [19].

В литературе эпохи романтизма демонического двойника человека именовали «**допельгангером**» (нем. *Doppelgänger* – «двойник»). Как правило, его появление предвещало смерть героя. Американский литературный критик Харольд Блум полагал, что двойник воплощает желания или инстинкты, которые были вытеснены субъектом как несовместимые с моральными и социальными ценностями, с его «приятными и приличными» представлениями о самом себе. Нередко двойник «питается» за счёт протагониста, по мере его увядания становясь всё более самоуверенным и как бы занимая его место в мире.

Синдром двойника изучается в психиатрии (в частности, З. Фрейдом, К. Юнгом), где он носит иное название – множественная личность или, говоря правильно, диссонативное расстройство идентичности. Это психиатрический

феномен, базирующийся на дуализации(и более) индивидуума с повсеместным контролем со стороны той или иной его «личности», чреватое летальным исходом вследствие суицида. Делится оно на два вида: диперсонализация и дирреализация. Первый из них подразумевает под собой искаженное восприятие себя и собственной реальности, второй же – искаженное восприятие иных лиц. Однако они, как правило, тесно переплетены и часто вытекают друг из друга, губительно сказываясь на состоянии своих «жертв». Диссонативное расстройство не изучено до конца.

Художественное своеобразие рассказа Э.А. По «Вильям Вильсон»

Эдгар Аллан По по праву считается одним из величайших писателей в истории американской литературы. Будучи личностью крайне противоречивой, как, к слову, и многие его герои, он является и признанным первооткрывателем детектива. Его произведения превозносят красоту угасания, увядания и распада жизни и поэтизируют, возможно, главный момент в жизни человека, противопоставленный его приходу в мир – момент смерти. Мотивы его творчества исходят из культа ночи, фундаментального романтизма, того самого, что завещал сохранить, взрастить и развить Новалис. Он, как и мудрый ворон из одноименного своего стихотворения, был пророком, предвестником, но не небытия, а символизма и декаданса («"Prophet!" said I, "thingofevil! – prophetstill, ifbirdordevil!» – «Пророк! – сказал я. – Порождение зла! – пророк все равно, будь то птица или дьявол!» – «Ворон», 1849) [20].

Данный рассказ, пусть и построенный в реалистической манере, базируется на мистической идее столкновения индивидуума с **допельгангером**. Эдгар Аллан По отправил свою работу Вашингтону Ирвингу, который был для него безусловным авторитетом. Писатель ему ответил: «Он выдержан в очень живописном стиле и читается с исключительным и мистическим интересом от начала до конца» [21].

Повествование ведется от лица рассказчика, истинное имя которого остается неизвестным ввиду того, что оно «внушило людям слишком сильное презрение, ужас, ненависть» [22], словом, он не желает «пятнать им чистый лист бумаги» [22]. Однако его псевдоним, Вильям Вильсон, похожий, согласно его заверению, на истинное имя, звучит с первых же строк.

Разберем «имя» героя этимологически: William Wilson. Слово will (воля) в полном имени повторяется дважды, но во второй раз – как бы не полностью, более того, фамилия распадается на will и son – «сын воли». Таким образом, Э.А. По с самого начала акцентирует внимание читателей на расщеплении личности протагониста, ее раздвоении, вечной борьбе двух противопоставленных начал, добра и зла, воли и безволия.

Вильсон – потомок древнего и богатого рода, «который во все времена отличался пылкостью нрава и силой воображения» [22]. Он мало говорит о своем детстве, лишь о формировании собственного характера и, главное, о таинственном однокласснике, с ужасающей точностью на него похожем. У героя и его двойника мистическим образом совпадает дата рождения, они носят

одинаковые имена, они похожи как две капли воды. Отличает их только манера речи – двойник разговаривает шепотом. Они соперничают друг с другом во всем, но его «клон» часто побеждает ввиду ряда преимуществ: он талантливее, умнее, спокойнее и, что, возможно, самое главное, – нравственно выше своего «оригинала».

В конце концов, главный герой проигрывает и собирается мстить: под покровом ночи он проникает в комнату противника («Я уже давно замыслил сыграть с ним одну из тех злых и грубых шуток, какие до сих пор мне неизменно не удавались» [22]), но план его не реализуется, ибо Вильсон-2 впервые пугает его абсолютной своей внешней схожестью («Неужели это... это лицо Вильяма Вильсона?» [22]). Шокированный этим, Вильсон покидает стены учебного заведения. Позже он узнает, что и его двойник оставил пансион в тот же вечер.

Вильсон-1 поступает в Оксфорд, где наслаждается жизнью студента-разгильдяя, беспутной и развратной. Его существование исполнено счастья, что нарушается внезапным появлением незнакомца примерно его же роста и в сюртуке похожего покроя, но это еще не самое страшное, тот, назвав его имя, исчезает, заставив главного героя вспомнить о ненавистном двойнике. Вильсон-1 беспутствует, как и прежде, имея при этом наичистейшую, кристальную репутацию, опускается до шулерства в карточной игре и практически обыгрывает некоего весьма богатого господина. Но «совесть» Вильсона, его наказание, его надзиратель все портит, оставляя ему вместо сорванного куша несмываемую печать позора и жажду, страстную и неутолимую жажду мести. Поневоле оставив Оксфорд и отправившись в авантюрное путешествие, которое, однако, правильнее будет назвать скитанием и побегом, рассказчик постоянно страдает от вмешательства допельгангера. Однажды в Риме ему выпадает возможность отомстить, расквитаться за все... В разгар карнавала герой и двойник, наконец, встречаются. Вильсон убивает своего преследователя, соперника, мучителя. «Ты победил, и я покоряюсь. Однако отныне ты тоже мертв – ты погиб для мира, для небес, для надежды! Мною ты был жив, а убив меня, – взгляни на этот облик, ведь это ты, – ты бесповоротно погубил самого себя!», – говорит Вильсону его двойник [21]. С ужасом герой осознает, что убил не кого-нибудь, а самого себя, свою вторую сущность.

Важно, что допельгангер – противостоящий главному герою персонаж – в рассказе положительный, что рушит стандартное представление о «злом двойнике». В этом, по сути, и кроется основное новаторство По как автора.

Безусловно, его раскрытию способствует удивительно логичное и последовательное, рационализированное повествование, нехарактерное для доминирующей части произведений писателя, которой свойственна туманность, новелличность.

Структура рассказа Э.А. По выдержана в классической хронологии: экспозиция (Вильсон говорит о своем происхождении и доме), завязка («знакомство» с клоном), монотонное развитие сюжета (меняются жизненные условия главного героя, но не его характер), кульминация (появление двойника в Оксфорде во второй раз, во время карточной игры) и развязка (смерть).

Сюжет и существо рассказа построены на антитезе героя и его допельгангера, когда внутренний мир героя раскрывается через его противоборство с собственной сущностью. Таким образом, главным врагом человека зачастую становится не внешний враг, а тот, что внутри: он может выйти на первый план, отодвинув в сторону лучшее, что есть в личности, или даже поглотить эту личность.

Художественное своеобразие повести Ф. М. Достоевского «Двойник»

Ф.М.Достоевский – русский писатель, ярчайший мыслитель и тонкий психолог. Свое второе произведение – повесть «Двойник» (1846) сам писатель называл «петербургской поэмой». Это повесть о раздвоении личности, борьбе света и тьмы в сердце, разуме и душе человека.

Принято считать, что «Двойник» был написан им под влиянием «Вильяма Вильсона» Э.А. По и рассказов Н.В.Гоголя. Господин Голядкин, главный герой, показан очень живо в своей нервозности и трусости, которые перерастают в шизофрению. Титулярный советник, едва заметная, ничем не выдающаяся, но не лишенная доброты и сердечности персона, которая чувствует, даже признает свою ничтожность, понимает, какой маленькой она является. Более того, пытается это все оправдать («Хожу не в маске, не интриган, действую открыто и иду прямою дорогою», – повторяет Голядкин несколько раз в день [23]), но вовсе не от тщеславия, не от уязвленного самолюбия, а от страха перед большим и грозным миром: ему даже кажется, что его все ненавидят, плетут за его спиной интриги, разносят сплетни, издеваются над ним, всячески пытаются его уязвить, ранить как можно сильнее. Безусловно, это является предпосылкой к психическому расстройству, маниакальному синдрому, обусловленному манией преследования. Еще в самой экспозиции повести Голядкин посещает доктора Кристиана Ивановича Рутеншпица, диалог с которым содержит первый намёк на умственное расстройство героя. Одним словом, у Голядкина наблюдаются все симптомы шизофрении. Известно, что Достоевский, работая над произведением, часто брал медицинские книги, посвященные душевным и нервным болезням, у своего знакомого доктора Яновского.

В.Г. Белинский указывал, «что господин Голядкин из числа помешанных на амбиции людей, у которых болезненная обидчивость идет рука об руку с такой же подозрительностью» [7].

Завязка происходит же сразу после посещения Голядкиным именин дочери статского советника Берендеева, с которых его выпроваживают бесцеремонным образом, что шокирует главного героя: Берендеев долгое время был его покровителем, почти отцом. Оказавшись на улице, Голядкин бредет по Петербургу и сталкивается с личностью, странно на него похожей, со своим допельгангером. Изначально он относится к нему дружелюбно, даже позволяет у себя переночевать, обещает всячески покровительствовать этому удивительному незнакомцу, обладающему полностью идентичной внешностью, таким же именем. Но тот оказывается личностью отрицательной: подхалим и хам, он всячески старается создать для себя максимально благоприятные условия, не чураясь нанесения вреда окружающим, в первую очередь, разумеется, Голядкину-старшему,

или, следуя терминологии Т. Манна, Голядкину-1. С развитием сюжета ситуация лишь усугубляется, вследствие чего главный герой оказывается буквально вытесненным своим соперником, злодеем, полной его противоположностью.

Его двойник – яркий антагонист, как и устоялось ранее в подобных произведениях. Он является причиной всех бед Голядкина, он, будучи неотъемлемой частью его сознания, словно паразит, живущий в теле живого существа.

В.С. Нечаева отмечает, что в памяти Ф.М. Достоевского с детских лет должен был запечатлеться образ отца, постоянно страдавшего от гипертрофированной мнительности, подозрительности, постоянного недружелюбия окружающих, от одиночества, и именно этими свойствами он мог напоминать Голядкина, а вовсе не жалобами на бедность, которые вовсе не были характерны для героя «Двойника» [8; с. 155].

Мы полагаем, что образ Голядкина дополняет галерею маленького человека в русской литературе и становится в один ряд, прежде всего, с героями Н.В. Гоголя, мелкими чиновниками из повестей «Нос», «Шинель». Однако В.С.Нечаева уверена в том, что в «Двойнике» Достоевский поставил себе задачу изучение объекта несколько более высокого интеллекта, более материально обеспеченного. «Он показал, какому искажению подвергалась психология этого наиболее распространенного петербургского обывателя, принадлежавшего к «среднему» чиновничьему звену, к которому по «табелю о рангах» принадлежал Голядкин» [8]. Он не был рядовым переписчиком бумаг, а составлял их для подписи и чтения генерала, имел слугу и приличную одежду, знал и употреблял слова иностранного происхождения, владел канцелярской терминологией и высоким штилем литературы девятнадцатого века.

А.М. Панченко писал: «Патриархом темы двойничества считают Н.В. Гоголя. От Н.В.Гоголя эту тему унаследовал Ф.М.Достоевский. У него двойничество, во-первых, маркировано идеологически; во-вторых, оно включено в перспективу исторического развития России. Раздвоившемуся Голядкину, этому маленькому чиновнику, этой «ветошке» в чине титулярного советника, сообщены черты бунтующего человека... Двойничество есть тема петербургская, порождённая и завещанная реформами Петра» [17].

Ким Юн Кюн отмечает, что в достоевковедении встречается ряд слов, имеющих семантическую близость с двойничеством: разорванность, двойственность, раздвоение, раздвоенность, двоение, двоимирие, дуализм, двоичность, раскол, антиномия, дихотомия, противоречивость и т. д. [18].

Критиками «Двойник» принят крайне негативно, даже всегда импонирующий ему В.Г. Белинский заметил, что повесть не совсем удалась. Э.А. По считал свое детище лучшим из того, что ему удавалось, Ф.М. Достоевский же сам признавался: «Повесть эта мне положительно не удалась, но идея ее была довольно светлая, и серьезнее этой идеи я никогда ничего в литературе не проводил. Но форма этой повести мне не удалась совершенно» («Дневник писателя» (1877)) [24].

Сравнительный анализ рассказа «Вильям Вильсон» и повести «Двойник»

Сопоставим ранее рассмотренные произведения двух классиков. Выделим ряд аспектов, исходя из которых можно утверждать, что мотив двойничества в повести «Двойник» Ф.М. Достоевского и рассказе «Вильям Вильсон» Э.А. По имеет схожие черты.

- 1) Жизни их героев кардинально меняются под влиянием их допельгангеров, меняются деструктивно.
- 2) Оба главных героя и у Э.А. По, и у Ф.М. Достоевского – протагонисты, а их допельгангеры – абсолютные антагонисты. Оба писателя изучают противостояние светлых и темных сторон души человеческой, борьбы духовного и безнравственного. Более того, они подчеркивают, что без одной «части» не может быть и иной, противоположной. Однако важно их слияние, гармония между ними, гармония неприкосновенная, без какой-либо доминантной, будь она положительной или отрицательной.
- 3) Допельгангер Э.А. По – герой положительный, в то время как двойник у Ф.М. Достоевского – отрицательный. Вильям Вильсон-2 представляет собой своего рода «совесть» хозяина, которая пытается его остановить, предотвратить падение, пусть и опозорив. («Мною ты был жив, а убив меня, – взгляни на этот облик, ведь это ты, – ты бесповоротно погубил самого себя!» [22]).
- 4) Господин Голядкин-2, однако, наоборот, всячески ущемляет Голядкина-1. Сначала он «втерся ему в доверие»: «Господин Голядкин был в умилении, был истинно тронут. <...> К тому же гость просил покровительства, гость плакал, гость судьбу обвинял, казался таким незатейливым, без злобы и хитростей, жалким, ничтожным и, кажется, сам теперь совестился, хотя, может быть, и в другом отношении, странным сходством лица своего с хозяйским лицом. Вел он себя донельзя благонадежно, так и смотрел угодить своему хозяину и смотрел так, как смотрит человек, который терзается угрызениями совести и чувствует, что виноват перед другим человеком [23]». Позднее начал всячески унижать и ущемлять своего оппонента, присваивая себе его заслуги и вытесняя из коллектива департамента, где служил Голядкин-1.
- 5) Э. А. По повествует от лица рассказчика, самого Вильсона, тем самым позволяя читателям представить себя его «собеседниками», теми, кому он вверил свою исповедь. Это, безусловно, позволяет понять психологию персонажа изнутри. Ф.М. Достоевский же пишет картину, на которую можно посмотреть только со стороны.
- 6) И господин Голядкин, и Вильям Вильсон личности психически неустойчивые, об этом свидетельствует посещение Голядкиным доктора Кристиана Ивановича Рутеншпица и гиперболизированное стремление Вильсона сбежать из реальности, его разгульный образ жизни, постоянные пьянки и занятие шулерством – на деле являются своеобразной формой эскапизма. Однако оба образа можно рассматривать метафорично, на классической антитезе: их уж точно нельзя назвать абсолютными трактатами шизофрении, как, к примеру, «Жуткое» Зигмунда Фрейда (1919).

- 7) «Двойник» Ф.М. Достоевского и «Вильям Вильсон» Э.А. По относятся к ранним их работам и стилистически рознятся с остальным их творчеством. Отличающийся прямотой и последовательностью, по мнению многих литературных критиков и исследователей, Ф.М. Достоевский весьма размыто представил читателям свою повесть, она неконструктивна и хаотична, что отметил и В.Г. Белинский. Эдгар Алан По, часто прибегавший к поэтическому эффекту «тумана» и рекомендовавший своим последователям поступать так же в эссе «Философия творчества» (1846), повествование в «Вильяме Вильсоне», напротив, выстроено хронологически логично.
- 8) Оба произведения имеют ярко выраженные автобиографические черты. В рассказе «Вильям Вильсон» Э.А. По описывает ранние годы главного героя, проведенные в некоем «таинственном поселке» Стоук Ньюингтоне, а описывая школу, в которой учились Вильсоны, Э.А.По вдохновлялся Reverend John Bransby's Manor House School, расположенной в этой же местности. Здесь юный Эдгар обучался с 1817 по 1820 годы.

У Э.А. По автобиографичность заключается в месте действия, в характере его отношений со школьными товарищами, степени успеваемости. Писатель пользовался авторитетом среди одноклассников, однако отличался вспыльчивостью. В студенческие годы Э.А. По часто принимал участие в различных кутежах, играл в карты и слыл человеком заблудшим, утопающим в долгах. Более того, писатель, будучи последователем романтизма, старался придать своему образу некую байроничность, некий шарм, столь характерный для той эпохи. Он сам создавал легенды о себе, своих путешествиях, называл лишь место, избегая лжи в описании деталей (Россия и иные «романтические» места), это, можно сказать, его побег от реальности, плохой репутации нищеты и безвестности. Вильсон тоже путешествует, скитается, запятнав свое честное имя, он бежит от своего двойника, себя самого: «Но бежал я напрасно! Мой злой гений, словно бы упиваясь своим торжеством, последовал за мной и явственно показал, что его таинственная власть надо мною только еще начала себя обнаруживать. <...> Пролетали годы, а он все не оставлял меня в покое. Негодяй!» [22].

Что касается Ф.М. Достоевского, в письме к брату, М.М.Достоевскому, он говорит: «Что-то скажет будущность... Что-то будет, что-то будет впереди? Я теперь настоящий Голядкин...» [25]. В том же самом письме он, ощутив себя подобным герою, над которым он тогда, в сложное для него время трудился и передавал свои переживания, отмечает: «Голядкин выиграл от моего сплина. Родились две мысли и одно новое положение» [25]. Таким образом, ослабевший, уставший от жизни писатель сопоставляет себя со своим героем, постоянно говорившем о своей слабости, немощности и миролюбии.

Существование мистического двойника с древних времен волновало человечество, что отражается в мифологии, фольклоре и произведениях ряда классиков мировой литературы. Образ двойника воплощался в разных культурах по-разному, создавая культурные коды (тень, зеркало и т.д.), имеющие общие черты, но не идентичные, а соответствующие нравам, менталитету и обычаям тех или иных народов.

Развитие мотива двойничества связано с мифами о душе как двойнике человека. Отсюда берет свои корни модель отношений «Я» и «двойника», наибо-

лее полно изученная в работах З. Фрейда и К. Юнга, которые создают парные архетипы, проливающие свет на происхождение и устойчивость образа двойника в человеческой психике (стремление человека одновременно избавиться от двойника и необъяснимое желание слиться с ним).

Есть версия, что появление образа двойника связано с представлениями о мире смерти. В более узких представлениях двойник также коррелируется с семантическими понятиями «рабство» (двойник героя – его раб или слуга) и «глупость» (двойник – шут). Поэтому зачастую образ двойника в литературе сопровождается дихотомия (смех / глупость и смерть) («Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» Р.Стивенсона, «Шинель» Н.В. Гоголя и др.).

Часто в литературных сюжетах двойничество переходит в категорию «подобий и отражений», когда «двойники» героя ведут самостоятельную жизнь, реализуют его скрытые, подсознательные желания, мотивы, и подавляемые личностью (героем), обычно отрицательные, черты характера, а также стремление противостоять обществу, устоявшейся системе. Таким образом, мотив двойничества связан с актуализацией древней архетипической модели вечной борьбы космоса и хаоса, добра и зла, опосредованной национальным менталитетом и иными важными факторами.

Наряду с «двойником» в литературе используется термин «допельгангер», обозначающий мистического двойника, появление которого предвещает смерть героя. Наиболее отчетливо мотив двойников и двойничества начинает возникать только в XIX – XX веках в романтизме. Ряд исследователей считает, что сюжетобразующим является внешний конфликт двойников, который в итоге оказывается мнимым. Именно такая структура характерна для рассказа Э. А. По и повести Ф. М. Достоевского. Мы считаем, что их сюжетобразующее сходство очевидно и не требует особых доказательств, даже принимая во внимание то, что «Вильям Вильсон» выдержан в романтической манере, а «Двойник» в реалистической.

Результаты. В ходе нашего исследования мы выявили ряд аспектов, исходя из которых можно утверждать, что мотив двойничества в повести «Двойник» Достоевского имеет ряд схожих черт с рассказом Э.А. По «Вильям Вильсон».

- Жизни героев деструктивно меняются под влиянием их допельгангеров.
- Оба главных героя и у По, и у Достоевского – протагонисты, а их допельгангеры – абсолютные антагонисты. Однако двойник персонажа из рассказа «Вильям Вильсон» положительный, фактически, он выполняет функцию его совести, пытаясь любой ценой удержать Вильсона-1 от бесконечных загулов, пьянства и низменных поступков, в то время как Голядкин-младший негативно влияет на жизнь Голядкина-старшего, тем самым являясь причиной его бедствий и окончательного падения.
- И господин Голядкин, и Вильям Вильсон личности психически неустойчивые, но оба образа можно рассматривать метафорично.
- Оба произведения имеют ярко выраженные автобиографические черты: детские и юношеские воспоминания, взаимоотношения с окружающими.

Выводы. Мы считаем, что архетипическая диада «двойничества» нашла свое отражение в образах Голядкина и Вильсона. Несмотря на видимую простоту сюжетного устройства рассказа Э. А. По и очевидно более сложную структуру повести Ф. М. Достоевского, архетипическое начало двойничества преобладает в них в равной степени.

Заключение. Опыт применения культурологической интерпретации в научно-практической деятельности учащихся старших классов (9 – 11 классы) свидетельствует о том, что культурологическая разновидность интерпретации способна стать средством извлечения, обработки и последующего прироста нового культурологического знания, раскрыть в произведении искусства культурные смыслы и экзистенциальные представления, порождающие, благодаря индивидуальной картине мира каждого учащегося, новые смыслы, а также увеличивать тем самым пространство понимания текста или произведения искусства.

Культурологическая интерпретация позволяет эффективно работать с текстами и произведениями визуального искусства и в научной деятельности старшеклассников, способствуя, в первую очередь, расширению поля культурологического контекста исследования, включая актуализацию культурного бэкграунда учащихся из смежных гуманитарных предметов, посредством функциональной грамотности, трактовки метафор, символов, аллюзий, реминисценций, аргументации своей личной позиции или взгляда на тот или иной объект и предмет исследования, вычленения проблемы или лакуны исследования, взаимосвязи проблемы со смежными научными областями знания, что и было продемонстрировано учащейся, прошедшей курс обучения по программе дополнительного образования, базирующейся на основе культурологической интерпретации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17 мая 2012 г. N 413). URL: <https://base.garant.ru/70188902/8ef641d3b80ff01d34be16ce9bafc6e0/>
2. Уколова Т.В. Потенциал киноклуба в продвижении идеалов спорта и здорового образа жизни среди старшеклассников. Педагогика: история, перспективы. 2019. Том. 2. № 5. с. 36-42. <https://dpo-journal.ru/index.php/pvsz/article/view/72>
3. Котельникова Т.Г. Мотив сделки с нечистой силой как структурная основа двойничества в творчестве Ф. Достоевского. Автореферат диссертации спец. 10.01.01, Русская литература кандидат филологических наук 2007 г. М. - 165 с.
4. Аллен Г. Эдгар По (биография) //URL: <http://lib.ru/INOOFANT/POE/biography.txt>
5. Ковалев Ю. В. Эдгар Аллан По. Новеллист и поэт: Монография. – Л.: Худож. лит., 1984. – 296 с.
6. Эдгар Аллан По. Стихи. Перевод Валерия Брюсова // URL: <http://bryusov.lit-info.ru/bryusov/perevod/index.htm>

7. Гус М.С. Идеи и образы Ф. М. Достоевского. – Изд. 2-е, доп. – Москва : Художественная литература, 1971. – 591. Гус М. Идеи и образы Достоевского. М: Гос. изд-во худ. лит., 1962. – 511 с.
8. Нечаева В.С. Ранний Достоевский (1821 – 1849) М.: Наука, 1979. – 287 с.
9. Белик А.П. Художественные образы Ф. М. Достоевского: эстет. очерки / АН СССР. Кафедра философии. - Москва : Наука, 1974. - 224 с.
10. Волгин И.Л. Родиться в России : Достоевский и современники: жизнь в документах. - М. : Книга, 1991. - 605 с.
11. Фридлиндер Г.М. Реализм Достоевского / Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). - Москва ; Ленинград : Наука. [Ленингр. отд-ние], 1964. - 404 с.
12. Каплан Г. И. Клиническая психиатрия : В 2 т. / Г. И. Каплан, Б. Дж. Сэдок ; Пер. с англ. В. Б. Стрелец. - М. : Медицина, 1994. - Т. 2. - М. : Медицина. - 522 с.
13. Юнг К.Г. Аналитическая психология / Карл Густав Юнг; Пер. [с англ.], ред. [и вступ. ст.] В. В. Зеленского. - СПб. : МЦНК ИТ "Кентавр", 1994. - 136 с.
14. Анненский Иннокентий. Двойник // Культура.рф. URL: <https://www.culture.ru/poems/29811/dvoinik>
15. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1994. – 448 с.
16. Путевская Ю. Феномен двойничества и его проявления в культуре // URL: <http://www.clubvi.ru/news/2012/05/24/slavohotov/>
17. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ - Глава третья // URL: <http://panchenko.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?PageContentID=191&tabid=2349>
18. Ким Юн Кюн. Типология двойников в творчестве Ф.М. Достоевского и повесть «Двойник» (1846/1866) тема диссертации и автореферата по ВАК 10.01.01, кандидат филологических наук Ким Юн Кюн 2003 г. М. - 185 с.
19. Агранович С.З., Саморукова И.В. Двойничество // URL: <http://www.free-book.info/download.php?skachat=17212>
20. Edgar Allan Poe. The Raven (in Russian and in English) // Just English Stories URL: <https://englishstory.ru/edgar-allan-poe-the-raven-in-russian-in-english.html>
21. Джоунс Б. Дж. Вашингтон Ирвинг: американский оригинал. М: 2008.
22. Эдгар Аллан По. Вильям Вильсон // URL: <http://lib.ru/INOOFANT/ПОЕ/wilson.txt>
23. Достоевский Ф.М. Двойник // URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0140.shtml
24. Дневник Ф.М. Достоевского. 1877 год. Ноябрь // URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/dnevnik/1877/1877-noyabr.htm>
25. Письмо М. М. Достоевскому 3 сентября 1845. Петербург // Ф.М. Достоевский. Собр. соч. в 15 тт. Т. 15 // URL: <https://rvb.ru/dostoevski/01text/vol15/01text/365.htm>

REFERENCES

1. Federal State Educational Standard of Secondary general Education (approved by the Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated May 17, 2012 N 413). URL: <https://base.garant.ru/70188902/8ef641d3b80ff01d34be16ce9bafc6e0/>
2. Ukolova T.V. The potential of the cinema club in promoting the ideals of sports and a healthy lifestyle among high school students. *Pedagogy: history, prospects*. 2019. Volume. 2. No. 5. pp. 36-42. <https://dpo-journal.ru/index.php/pvsz/article/view/72>
3. Kotelnikova T.G. The motive of a deal with evil spirits as a structural basis of duality in the works of F. Dostoevsky. Abstract of the dissertation spec. 10.01.01, Russian Literature Candidate of Philological Sciences, 2007, Moscow. - 165 p.
4. Allen G. Edgar Poe (biography). URL: <http://lib.ru/INOFANT/POE/biography.txt>
5. Kovalev Y. S. Edgar Allan Poe. Novelist and poet: Monograph. - Leningrad: Khudoy. lit., 1984. - 296 P.
6. Edgar Allan Poe. Poems. Translated by Valery Bryusov. URL: <http://bryusov.lit-info.ru/bryusov/perevod/index.htm>
7. Gus M.S. Ideas and images of F. M. Dostoevsky. 2nd edition, supplement. Moscow: Fiction, 1971. 591. Gus M. Dostoevsky's ideas and images. Moscow: State Publishing House of the hood. lit., 1962. 511 p.
8. Nechaeva V.S. Early Dostoevsky (1821 – 1849) Moscow: Nauka, 1979. 287 p.
9. Belik A.P. Artistic images of F. M. Dostoevsky: aesthete. Essays. USSR Academy of Sciences. Department of Philosophy. Moscow : Nauka, 1974. 224 p.
10. Volgin I.L. To be born in Russia : Dostoevsky and contemporaries: life in documents. Moscow : Kniga, 1991. 605 p.
11. Friedlander G.M. Dostoevsky's Realism. Academy of Sciences of the USSR. Institute of Russian Literature (Pushkin House). Moscow ; Leningrad : Nauka. [Leningr. ed.], 1964. - 404 p.
12. Kaplan G. I. Clinical psychiatry : In 2 volumes. G. I. Kaplan, B. J. Sadok ; Translated from the English by V. B. Strelets. M. : Medicine, 1994. T. 2. - Moscow : Medicine. 522 p.
13. Jung K.G. Analytical psychology. Carl Gustav Jung; Trans. [from English], ed. [and introductory article] by V. V. Zelensky. St. Petersburg : MCNKIT "Centaur", 1994. 136 p.
14. Innokenty Annensky. Doppelganger. Cultura.rf URL: <https://www.cultura.ru/poems/29811/dvoinik>
15. Freudenberg O.M. Poetics of plot and genre. Moscow, 1994. 448 p.
16. Putevskaya Y. The phenomenon of duality and its manifestations in culture. URL: <http://www.clubvi.ru/news/2012/05/24/slavohotov/>
17. Panchenko A.M. Russian culture on the eve of Peter's Reforms - Chapter Three. URL: <http://panchenko.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?PageContentID=191&tabid=2349>

18. Kim Yoon Kyung. Typology of doppelgangers in the works of F.M. Dostoevsky and the story "The Doppelganger" (1846/1866) the topic of the dissertation and abstract on the Higher Attestation Commission 10.01.01, Candidate of Philological Sciences Kim Yun Kyun 2003, Moscow. - 185 p.
19. Agranovich S.Z., Samorukova I.V. Duality. URL: <http://www.free-book.info/download.php?skachat=17212>
20. Edgar Allan Poe. The Raven (in Russian and in English). Just English Stories URL: <https://englishstory.ru/edgar-allan-poe-the-raven-in-russian-in-english.html>
21. Brian Jay Jones. Washington Irving: An American Original. Moscow, 2008.
22. Edgar Allan Poe. William Wilson. URL: <http://lib.ru/INOFANT/POE/wilson.txt>
23. Dostoevsky F.M. The Double. URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0140.shtml
24. The diary of F.M. Dostoevsky. 1877. November. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/dnevnik/1877/1877-noyabr.htm>
25. Letter to M. M. Dostoevsky on September 3, 1845. Petersburg. F.M. Dostoevsky. Sobr. op. in 15 tt. t. 15. URL: <https://rvb.ru/dostoevski/01text/vol15/01text/365.htm>

Информация об авторах: Уколова Татьяна Викторовна, педагог дополнительного образования, методист МБУ ДО Центра дополнительного образования г. Сочи, член Союза журналистов России. Россия, г. Сочи ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8768-2814>
e-mail: netsky2002@mail.ru

Остапенко Анастасия Игоревна, выпускница МБУ ДО Центра дополнительного образования «Хоста» города Сочи, МОБУ СОШ № 14 города Сочи. Россия, г. Сочи

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

Information about the authors: Ukolova Tatiana Victorovna, teacher of additional education, methodist of the municipal budgetary institution of additional education The center of additional education "Hosta" of the city of Sochi, Russia, Sochi ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8768-2814>
e-mail: netsky2002@mail.ru

Ostapenko Anastasia Igorevna, graduate of the municipal budgetary institution of additional education. The center of additional education "Hosta" of the city of Sochi, Municipal general education budgetary institution secondary general education school No. 14 Sochi. Russia, Sochi

The authors have read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 18.07.2022

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 14.08.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.08.2022

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests

© Уколова Т.В. 2021

© Остапенко А.И. 2021

© «Педагогика: история, перспективы». 2021